Сергей Егорович МАРЬИН:

Есть истинные ценности

Родился я в Швейцарии…

- Есть в Ульяновской области красивейший «малиновый край» - Инзенский район. Более половины его занимают леса, а места вокруг Юловского озера, уникального, родникового, с плавучими островами, называют «ульяновской Швейцарией». Вот рядом с этой самой «Швейцарией», в городе Инза, я и появился на свет.

Отец воевал в разведке, войну закончил в Кёнигсберге, вернулся домой с наградами и тремя ранениями. Его пиджак с солдатским орденом Славы и несколькими медалями висел в шкафу, он надевал его раз в год, на День Победы, когда по радио звучала песня «Фронтовики, наденьте ордена». Мама всю войну проработала медсестрой в госпитале. Дома о войне говорили часто - когда собиралась родня, приезжали фронтовые друзья. Говорили с великим уважением к полководцам и, конечно, Сталину. После победы над фашизмом вера в наши партию и правительство не оставляла сомнений в том, что социализм-то мы уж тем более построим. Правда, на пути к новым победам в магазинах не было то хлеба, то сахара. Но перебоям всегда находилось объяснение: или неурожай, или происки империалистов…

Свою долю в мое восприятие той поры вложили бабушка с дедушкой. Они пережили раскулачивание, питались крапивой с мякиной, жили в сарае, и им очень хотелось выкарабкаться «в люди». Послевоенное время, когда все вселяло оптимизм, казалось им почти раем. Как говорила моя бабушка, «не хнычьте, войну пережили, а

Визитка

Родился 6 сентября 1951 г. в г. Инза Ульяновской области. Окончил Ульяновский политехнический институт (1973 г.), Академию общественных наук при ЦК КПСС (1986 г.), Финансовую академию при Правительстве РФ (1995 г.).

В 1972-1990 гг. возглавлял комитет ВЛКСМ УлПИ, руководил стройотрядами и комсомолом области, работал в партийных органах Ульяновска. С 1991-го по 1999-й - в банковских структурах (был управляющим Поволжским филиалом, первым вице-президентом ОАО «Инкомбанк»). В настоящее время - заместитель гендиректора ЗАО «Моспромстрой» и председатель совета директоров ОАО «БИНБАНК».

Награжден орденом «Знак Почета».

В Ульяновской области прожил 44 года. В Москве - с 1995 г.

Член Ульяновского землячества с 1997 г.

теперь-то и подавно все переживем. Главное, чтобы на огороде уродилась картошка. Будет картошка - не умрем». Таким был для нее свой, выстраданный жизнью, критерий благополучия.

Учился в политехе…

Престиж инженерной профессии был в 60-х годах поднят до космоса. Окончив школу с серебряной медалью, я сомневался только в одном - в какой из технических вузов поступать. Перевесила агитбригада «Снежный десант», приехавшая в Инзенский район с лекциями и концертами. После живых студенческих рассказов и песен под гитару убеждать десятиклассников, что лучший вуз на планете - Ульяновский политехнический, было уже ни к чему!

При этом у меня была четкая внутренняя установка: вуз должен стать не периодом зубрежки, а замечательным, насыщенным этапом жизни. С первых институтских дней я знал, что буду заниматься спортом, художественной самодеятельностью, обязательно поеду в студенческие стройотряды. После первого года учебы записался в ССО «Юность», работавший на сооружении строительного комбината в Красном Гуляе Сенгилеевского района. Тогда я, бригадир, впервые ощутил ответственность за 12 доверяющих тебе однокурсников, за их заработки, здоровье, быт. На следующее лето в стройотряде «Энергия-70» моя бригада электрифицировала в Майнском районе село Анненково. А после третьего курса комитет комсомола утвердил меня комиссаром «Энергии-71».

И вскоре я вообще оказался за одним столом заседаний с авторитетнейшими для меня людьми: фамилии Порунов, Афанасьев, Сечкин, Блюдин, Леонов были в политехе на слуху у всех. Избрание членом институтского комитета ВЛКСМ показалось мне неожиданностью, но через два года, в 1972-м, когда Володю Леонова перевели на работу в горком ВЛКСМ, предложение стать его преемником на посту секретаря я воспринял уже достаточно естественно.

Мы в комитете были заряжены на то, что политехники всегда и везде должны быть лучшими. Причем специально об этом никто даже не говорил. Это было нормальным ощущением своей ответственности за дела института, за его авторитет в городе. Теперь я понимаю, что во многом это было заложено в наши гены родителями - поколением победителей.

Комиссар ССО «Энергия-71» на крыльце отчего дома.

Возглавлял областной комсомол…

После четырех лет работы в вузовском комсомоле я получил предложение стать командиром областного студенческого строительного отряда. Согласился сразу, потому что быть у руля одного из самых ярких и полезных дел ВЛКСМ - это даже нельзя назвать работой, это было естественное желание оставить свой след на земле.

Мне исполнилось 25 лет, и я отвечал за труд и быт трех тысяч молодых людей, которых ССО реально испытывали на человеческие качества. Хлюпиков и маменькиных дочек становилось видно сразу, они ни за что второй раз в отряд не ехали. На тех же, кто с гордостью говорил «Я не первый год в стройотряде!», можно было смело положиться в любой ситуации.

Стройотрядам, если считать институтский опыт, я отдал шесть лет своей жизни. А потом началась «семилетка» в комсомольском обкоме. Три из этих семи лет у меня неразрывно связаны с Анатолием Михайловичем Блюдиным. Нас вместе утвердили 27 ноября 1977 года на пленуме обкома ВЛКСМ: его - первым секретарем, меня - заведующим орготделом.

Уже на второй неделе работы у нас появилась прекрасная возможность проверить, «пойдем ли мы вместе в разведку». Наши предшественники отчитались в ЦК ВЛКСМ, что из 26 первых секретарей райкомов только один не имеет высшего образования, а в моем отчете получилось - пятеро…

Я пошел к Блюдину и сказал, что, если поставить реальные цифры, у нас могут возникнуть проблемы, но фальсифицировать показатели не в моих правилах. Он,

ни секунды не медля, ответил, что показывать будем всегда правду, даже если она кому-то и не понравится. С этого момента я понял, что нам по пути, в чем не было возможности усомниться на протяжении нашей дружбы, длящейся до сих пор. Ну, а разборки по данному вопросу действительно были - и в кабинете заворга обкома КПСС, и в ЦК комсомола.

Но в целом Центральный Комитет ВЛКСМ относился к ульяновцам с большим доверием: три-четыре раза в год у нас проводились всесоюзные мероприятия. Это была большая нагрузка, однако мы считали ее за честь и святую обязанность живущих на родине Ленина. К тому же вся эта круговерть давала неоценимый организаторский опыт, а знакомство с сотнями известных людей помогало в дальнейшей работе. Нас удостаивали различных наград, но самой важной оценкой, запавшей мне в память, стало определение, выска-

занное по отношению к ульяновцам как-то в ЦК комсомола: «Надежный обком».

Весной 1979 года меня избрали вторым секретарем, а осенью 1981-го я сменил на посту первого Анатолия Блюдина. Теперь, в 30 лет, я ощущал личную ответственность уже за 176 тысяч юношей и девушек - именно столько в тот период насчитывала областная комсомольская организация.

Меня иногда спрашивают, какое из событий того времени сохранилось в памяти как наиболее яркое. Вся работа в комсомоле - одно яркое событие, если спустя почти сорок лет легко вспоминаются десятки эпизодов, сотни имен - всей этой книги не хватит!

А из дел, которыми были насыщены будни, приведу лишь один пример. В те времена каждый день радио и телевидение демонстрировали энтузиазм молодых на грандиозных стройках - сплошная романтика! Мы ежегодно направляли ульяновцев в составе всесоюзных отрядов на БАМ, в Тюменскую область, другие края. И вот в 1982 году Всесоюзная ударная комсомольская стройка, газопровод «Уренгой - Помары - Ужгород», одним своим пролетом пролегла через Павловский район. Решением ЦК ВЛКСМ нас обязали направить 140 человек на сооружение газокомпрессорной станции. Приехав предварительно на место - в чистое павловское поле со вторым секретарем райкома партии Василием Федоровичем Русяевым, романтики я как-то не приметил… Стало понятно, что эта задачка посложнее той, когда мы поднимали молодежь «за туманом и за запахом тайги»

В интонациях моего спутника, в числе главных задач которого было удержать молодежь, уезжавшую из самого дальнего района области целыми классами, тоже чувствовалась безнадега. Но когда вскоре на стройку друг за другом стали прибывать наши отряды, Русяев произнес слова, которые у меня отложились на всю жизнь: «Если бы мне кто-то год назад сказал, что к нам в Павловку на работу приедет более ста молодых людей, я обиделся бы на это, как на плохую шутку. А теперь вижу, что комсомол и сегодня может решать серьезные задачи».

Строил авиагород…

Самой же главной стройкой своей жизни я, как и десятки тысяч ульяновцев, считаю авиакомплекс, еще одну Всесоюзную ударную комсомольскую стройку. В 1977 году туда был направлен первый областной отряд молодежи, а в 1981 году на УАПК трудились уже 12,5 тысячи комсомольцев и молодежи.

Желание делать уникальные самолеты необыкновенно сплачивало людей. Признаюсь, я был просто потрясен логикой рассуждений, которую мне однажды продемонстрировал один из рядовых созидателей авиакомплекса - Константин Германович Герман, влюбленный в авиацию человек, бывший военный летчик, назначенный директором учебного центра УАПК. В одном из классов ребята делали игрушки авиационной направленности для детских садов. На мой вопрос «Зачем это вам нужно?» Герман поделился сокровенным. «Я, - говорит, - хочу, чтобы в новом городе первой игрушкой, к которой прикоснется ребенок в детском саду, был самолетик. Чтобы в школе первоклассник мог заниматься моделированием самолетов, в средних классах - увлечься авиамодельным спортом, в старших - подняться в воздух на дельтаплане. А перед армией - научиться летать на планерах, лег-

1982 год. Москва. Кремлевский дворец. Делегация Ульяновской области на XIX съезде ВЛКСМ.

ких самолетах в ДОСААФ. Кем бы человек потом ни стал, он должен любить небо и помнить, что его родной Ульяновск - авиационный город».

К тому времени я уже работал вторым секретарем горкома КПСС, отвечал за идеологию. Важно было найти формы работы, которые помогли бы десяткам тысяч людей, приезжавшим со всей страны, стать ульяновцами не по прописке, а по духу. Но так как любым идеям нужно подтверждение на практике, большую часть рабочего времени приходилось заниматься конкретными социальными вопросами, и прежде всего в Заволжском районе.

А проблем было множество. Когда меня спрашивали, какое транспортное средство самое массовое в Новом городе, я отвечал - детская коляска… Сейчас это кажется невероятным, но в школах Нового города было по 11-12 первых классов! Школы вводились по одной-две ежегодно, детские сады (причем с бассейнами) - по три-четыре. Но все они были переполнены.

К сожалению, перестройка стала для нашего авиакомплекса губительной. Позднее его гендиректор Виктор Васильевич Михайлов поведал мне впечатление делегации США, посетившей УАПК уже в 90-е годы. Американцы сказали: «Чтобы сделать лучший в мире авиакомплекс, вам не хватило трех лет социализма».

Ценил таланты и закладывал традиции…

Осенью 1986 года делегацию Ульяновска пригласили в Пензу на празднование Дня города. Аналогичная идея у нас витала, но не было единого понимания. Пенза

убедила: такой праздник нужен! Не откладывая, создали оргкомитет и начали подготовку к тому теплому майскому воскресенью 1987 года, когда десятки тысяч ульяновцев, приехавших в центр города целыми семьями, почувствовали себя членами одной большой семьи. А начинался праздник накануне коллективным чаепитием - в микрорайонах, во дворах…

На следующий год, когда Ульяновск отмечал свое 340-летие, два торжественных дня прошли, что называется, на ура. Рад, что эта традиция живет в Ульяновске по сей день.

Любой город богат талантами и старается приумножить этот капитал. Мы искали кандидата в главные режиссеры облдрамтеатра. Однажды к концу дня звонит заместитель начальника управления культуры Людмила Ивановна Уварова: «На один день приехал хороший претендент, а в отделе пропаганды обкома партии все в командировках. Сергей Егорович, выручайте!». Они пришли ко мне, гость представился: «Копылов Юрий Семенович», рассказал о своих взглядах на творческий процесс. И как-то сразу показался тем человеком, который мог бы поднять наш театр на новый качественный уровень. Такого нельзя отпускать с «холодком». Говорю: «А давайте вместо рассказа я покажу вам Ульяновск…». Провез его по всем районам, но особый блеск в его глазах появился, когда он увидел масштаб Нового города. Я с удовольствием вспоминаю ту поездку и очень рад, что именно в ульяновский период Юрий Копылов стал народным артистом России и вместе с плеядой актеров театра награжден Государственной премией РФ.

Правда, не всегда удавалось оградить таланты от политики. Готовилось как-то торжественное заседание по случаю очередной годовщины Октябрьской революции. Ответственным традиционно был горком партии. Но генеральный прогон концерта в Мемориале сорвала какая-то новая солистка нашей филармонии, гастролировавшая где-то на югах (она прилетела только в день концерта). Начальник областного управления культуры Борис Иванович Мынов заверил: «Не волнуйтесь, Сергей Егорович, ответственность за содержание концерта беру на себя, все будет на высшем уровне». Я предупредил: «Ну, смотри!»…

И вот смотрим после торжественного заседания концерт. Вначале, как обычно, исполнитель роли вождя Устюжанинов, симфонический оркестр, народный хор машзавода. Вдруг на сцену выбегает маленькая фифочка в суперкоротенькой юбочке и без всяких там «крейсеров «Аврора» поет про любовь. Зал ее сразу принимает на бис!

Первый секретарь обкома партии Геннадий Васильевич Колбин сидит насупившись. Я вжимаюсь в кресло. Почувствовав теплый прием публики, певица сбрасывает свой театральный пиджак. Зал в восторге! Колбин: «Прошу всех ответственных за концерт зайти в кабинет директора… Кто это был на сцене?». Мынов: «Вторая после Пугачёвой эстрадная артистка России - Лариса Долина». Колбин, взглянув на меня: «Это политическая диверсия!!!».

В общем, до нашего дома на улице Гагарина я шел на ватных ногах. Хорошо, жена была рядом и, как могла, успокаивала: «Ведь людям-то понравилось…». А теперь она меня подкалывает каждый раз, когда по телевизору показывают народно любимую Ларису Долину.

Но это - частности. Сам Колбин - тоже безусловный талант, только не в культуре, а в политике. По его инициативе и менее чем через год его работы - 2 октября 1984 года вышло Постановление Совета Министров СССР № 1028 «О мерах по комплексному развитию г. Ульяновска и Ульяновской области в 1985-1990 гг. и на период до 1995 г.». К 125-летию со дня рождения В.И. Ленина в Ульяновске должны были построить цирк, новое здание драмтеатра, театр музкомедии, Дом знаний с планетарием и многое другое. А центральное место в этом перечне занимал новый мост через Волгу.

Во многом благодаря Колбину в столице были приняты и другие важные постановления - о создании Государственного историко-мемориального заповедника «Родина В.И. Ленина» (1984 г.), образовании в Ульяновске госуниверситета (1985 г.), Центра микроэлектроники (1987 г.). К сожалению, «завтрашний день» оказался не таким, как мы представляли.

Создавал политклуб и распускал горком…

Когда пришла «эпоха дефицита», обком и горком партии пытались с ним бороться - сельхозярмарками, магазинами для ветеранов, цехами по производству «ширпотреба». Завод «Искра» стал выпускать карманные калькуляторы, механический - усилители для музыкальной аппаратуры, УАПК освоил производство титановых лопат, прочных и легких (они так всем понравились, что их брали в качестве сувениров министерским чиновникам). Но проблемы все равно нарастали.

Истоки негативных процессов стали для меня раскрываться во время учебы в Академии общественных наук. Там на семинарах была достаточно раскрепощенная атмосфера, и после нескольких дискуссий я стал отходить от своей зашоренности. К примеру, уяснил такой «пустяк»: если книга вышла в издательстве ЦК КПСС «Политиздат», это совсем не означает, что там изложены непререкаемые истины.

Перестройка и гласность, в конце концов, обернулись против своих же творцов и свелись к травле КПСС. В этих условиях горком партии, проявив определенную смелость, принял решение создать городской политклуб. Клуб собирался в Доме политпросвещения еженедельно и стал очень горячей площадкой для людей с полярными мнениями. Причем с трибуны обычно звучали выступления так называемых обиженных неформалов. А вот многие из партработников, руководителей, преподавателей вузов просто боялись защищать те идеологические ценности, которые они проповедовали десятилетиями.

Нарастал и внутрипартийный раскол. 21 сентября 1989 года горком партии взял на себя инициативу в организации публичной дискуссии между двумя секретарями обкома КПСС - Олегом Владимировичем Казаровым и Валентиной Алексеевной Баскаковой. За несколько дней до этого Казаров опубликовал в газете ЦК КПСС «Советская индустрия» статью «От кого отстал авангард?», где писал, что партию критикуют популисты, которые сами еще ничего не сделали. В ответ в газете ОК КПСС «Ульяновская правда» появилось интервью с Баскаковой «Стали ли мы авангардом?», где она настаивала: речь должна идти не о критике партии, а о критике партаппарата, его действительно есть за что критиковать. Этот поединок в политклубе стал сенсационным.

1992 год. Делегация ОАО «Инкомбанк» во главе с президентом банка В. Виноградовым в Ульяновске.

Первичные парторганизации вовсю критиковали горком за «раздутый штат». Реагируя на критику, мы сократили аппарат вдвое, до 12 человек. Но жизнь быстро показала, что качественно руководить 48-тысячной организацией при таком штате невозможно. И я сказал первому секретарю горкома Колпакову: «Юрий Борисович, мы по-прежнему крутим педали, но земли-то под ногами уже нет… Предлагаю упразднить горком как структуру». Колпаков, который и сам все понимал не хуже меня, сразу согласился. И вот 19 сентября 1990 года пленум ГК КПСС после бурного обсуждения упразднил орган управления городской партийной организацией. «За» проголосовал 31 человек, «против» - 23, «воздержался» один.

Был безработным и банкиром…

Так я стал безработным. На две недели. А потом мне предложили организовать в Ульяновске филиал Инкомбанка - самого известного в тот период коммерческого банка страны. Если честно, то к этому предложению я был не очень готов. Со своими сомнениями первым делом отправился к начальнику областной конторы Госбанка СССР Виктору Васильевичу Давыдову. Оказалось, что он во мне уверен больше, чем я. «У тебя, - говорит, - все получится. Давай действуй!». Хотя были и другие «благословения». Так, мой бывший коллега, второй секретарь обкома партии, предупредил: «Куда ты идешь? Коммерческие банки скоро все закроют, а вас всех посадят».

Филиал начал работу 2 января 1991 года. До сих пор благодарен бывшему председателю облсовпрофа Александру Михайловичу Марьеву за то, что он предоставил нам в аренду четыре комнаты общей площадью 40 кв. м. Так мы начинали, но уже через три года построили рядом с мэрией собственный большой офис.

Центральное телевидение в то время почти ежедневно крутило рекламу Инкомбанка: «Есть истинные ценности…». Одной из этих ценностей были люди. Мы

в Поволжском филиале жили по правилам команды, заряженной на идею создать новую экономику в новой России. Неожиданной «головной болью» оказались отношения с головной конторой. В какой-то момент мы даже были на полпути к отделению. Переломный момент наступил во время визита в начале 1992 года президента Инкомбанка Владимира Виноградова, совпавшего с приездом в Ульяновск президента России Бориса Ельцина. Двухдневная программа пребывания Виноградова включала встречи с губернатором и мэром, посещение крупнейших заводов, причем на «Авиастаре» гостя провели по тому же маршруту, по которому на следующий день прошел Ельцин… Перед отъездом Владимир Викторович признался мне, что окончательное решение бороться за филиал принял, когда увидел, как легко перед ним открывались двери, как высок в городе авторитет Икомбанка.

Боролся с Березовским…

Осенью 1995 года Виноградов пригласил меня на работу в Москву - первым вице-президентом Инкомбанка. И очень скоро мне пришлось на практике познать, что для крупных банков экономика - это, прежде всего, политика. Причем не всегда честная…

Это сейчас всем понятно, что залоговые аукционы были подстроены под конкретных людей, что Ельцин, иногда не читая, подписывал документы, в которых огромные активы государственных компаний объединялись и затем выставлялись на залоговые аукционы. Свободных денег тогда у банков не было, но было придумано, как обдурить государство за его же деньги. Минфин давал банкам депозиты из бюджета, затем этими деньгами банки расплачивались на залоговых аукционах, а потом государство якобы не могло выкупить залоговые активы, и они переходили к банкам по аукционной стоимости.

Так было и с «Норильским никелем», и с «ЮКОСом» (Ходорковский купил 45 процентов «ЮКОСа» примерно в 120 раз дешевле реальной цены). Мне же «посчастливилось» все прочувствовать на примере залогового аукциона по «Сибнефти». Он проходил 28 декабря 1995 года. Инкомбанк решил побороться за 51 процент акций. Вторым претендентом была нефтяная финансовая корпорация Бориса Березовского и Романа Абрамовича. Стартовая цена - 100 миллионов долларов. Каждый участник должен был подать запечатанный конверт со своей ценой. Кто предложит большую цену, тот и победитель.

Нашими гарантами выступали Самарская металлургическая компания (САМЕКО) и Мосбизнесбанк. Доверенность представлять интересы Инкомбанка была выдана молодому вице-президенту Сергею Калугину. Он попросил меня оказать ему поддержку. И, как оказалось, не напрасно. Аукцион проходил в здании Госкомимущества на Биржевой площади. Первый, с кем мы столкнулись нос к носу, были Борис Березовский и его «серый кардинал» Бадри Патаркацишвили. Березовский постоянно с кем-то горячо разговаривал по мобильному телефону и каждый раз потом заходил в кабинет к Сергею Беляеву - председателю Госкомимущества, который и должен был председательствовать на аукционе.

Аукцион открыли в 10.00, и сразу же объявили перерыв, который по регламенту не предусматривался и, более того,

затянулся. Только после 12.00 всех вновь пригласили в зал, где председательствующий с видом победителя объявил, что только что поступило письмо от генерального директора САМЕКО, в котором тот отзывает гарантию Инкомбанку, и поэтому банк не может участвовать в аукционе. Стала ясна причина задержки: Березовский ждал утренний самолет из Самары, доставивший письмо. (Директор САМЕКО - пожилой человек, имевший множество наград от государства, приезжал потом к Виноградову извиняться и рассказал, что подписал письмо под угрозой жизни и здоровью членов его семьи).

Победителем была признана нефтяная компания Березовского и Абрамовича, которая заплатила всего лишь на 300 тысяч долларов больше стартовой цены. По нашей просьбе все-таки вскрыли пакет Инкомбанка, где указывалась цена 175 миллионов долларов. По провинциальной наивности я зашел в кабинет к Беляеву и говорю: «Сергей, если вы действительно представляли интересы государства, то государство только что по вашей вине потеряло 75 миллионов долларов». Он несколько смутился, но сказал, что ничего изменить не мог.

История на этом не закончилась. В мае 1996 года Арбитражный суд Москвы удовлетворил иск Инкомбанка, признав результаты аукциона недействительными. (В дальнейшем это решение было отменено апелляционной инстанцией того же суда по иску Госкомимущества). Через день к Виноградову явились Березовский с Гусинским и в моем присутствии предложили мир-дружбу в обмен на отзыв нашего иска. В ответ на категорический отказ гости заявили, что будут нас «мочить» в прессе (политику на Первом канале тогда определяли Березовский и Патаркацишвили, хозяином НТВ был Гусинский, газету «КоммерсантЪ» контролировал Смоленский). Обещание они выполнили с лихвой, изо всех «медиа-стволов» стали «мочить» Инкомбанк на предмет его несостоятельности. Так я впервые ощутил силу заказной пиар-кампании. Подобного в Ульяновске даже в страшном сне не могло присниться…

Мы, правда, столь резко выступили против, что Центробанк вынужден был сделать официальное заявление о нашей надежности. Кстати, финансовые итоги года в целом стали лучшими в истории Инкомбанка.

Попадал под нож…

Но через два года для Инкомбанка все закончилось. И не только для него: в целом и экономика, и банковская система России в два преддефолтных года работали крайне неэффективно. У Правительства РФ и Центробанка часто не было единых мнений. Итог известен…

16 октября 1998 года руководителей двух десятков крупнейших банков пригласили в ЦБ РФ, где Виктор Геращенко представил проект реструктуризации банковской системы (Виноградов в то время уже покинул наш банк, и все взаимоотношения с ЦБ пришлось вести мне).

К сожалению, Геращенко не сказал на той встрече главного (об этом он мне в неформальной остановке признался совсем недавно): Мировой банк провел тест-мониторинг 16 ведущих российских банков и выдал резюме - 14 банков надо обанкротить. В зависимость от этого условия было поставлен кредит в 25 миллиардов долларов. Кстати, этих денег Мировой банк так и не дал.

На волжских просторах (с сомом и сыном).

Инкомбанк как крупнейший коммерческий банк толкнули «на нож» первым. Чтобы восстановить ликвидность, требовалось 10 миллиардов рублей, но совет директоров Центробанка нам отказал. И 29 октября 1998 года отозвал нашу лицензию. (Для сравнения могу сказать, что в период финансового кризиса 2008 года на оздоровление только не самого крупного Связь-банка государство потратило 142 млрд. руб.). К чести Инкомбанка, мы рассчитались с частными вкладчиками полностью и без конфликтов.

Строю Москву…

Один мой ульяновский знакомый, беспартийный и не банкир, неоднократно повторял, что он не верил в две вещи - что рухнет КПСС и Инкомбанк. Увы. Мне пришлось пройти через оба эти испытания. К счастью, накопленные знания и опыт не стали отягощающим грузом, напротив, позволили смелее браться за иные начинания.

Новым делом для меня вместе с соратником по комсомолу и Инкомбанку Юрием Мишовым стало освоение рынка интернет-платежей, активно развивавшегося на Западе. Мы создали компанию «Рапида» (от английского «Rapid» - скорый, быстрый). И хотя сегодня у нее другие собственники, приятно сознавать, что проторенная нами дорога и наработанные документы во многом способствовали тому, что потребность в он-лайновых платежах становится повсеместной, а Государственная Дума недавно приняла закон о Национальной платежной системе.

Сегодняшний этап моей жизни связан с БИНБАНКом, где я избран председателем совета директоров, и Моспромстроем, где с 2006 года работаю заместителем генерального директора. Моспромстрой - это известный главк советского времени, ровесник первого генплана столицы, а теперь - многопрофильный холдинг, в составе которого почти 12 тысяч сотрудников. Главный корпус МГУ на Воробьевых горах, Останкинская телебашня, Большая спортивная арена в Лужниках, Мемориал Победы на Поклонной горе, Дом правительства РФ, храм Христа Спасителя, гостиницы «Мариотт», «Президент-отель», филиал Большого театра и другие объекты, возведенные Моспромстроем в разные годы, сегодня во многом определяют облик столицы. Надеюсь, что уж эти-то архитектурные шедевры не разрушат ни экономические кризисы, ни политические катаклизмы.

И считаю себя счастливым!

В начале перестройки была такая байка: «То, что нельзя купить за деньги, можно купить за большие деньги». Вот счастье моей жизни в том, что в моих отношениях с людьми никогда не возникала тема корыстной дружбы.

И наша малая родина никогда не станет для меня менее значимой, потому что слишком большая часть активной жизни прожита на Волге, и, смею надеяться, там осталось что-то полезное и от меня. В Ульяновске родились мои дети Андрей и Ольга и внук Алешка. В составе делегаций землячества два-три раза в год бываю на различных мероприятиях. Да что там - сотнями нитей связан я с родной землей! Эти «нити», прежде всего, люди. Здравствующие и те, кого уже нет в живых. Как-то, проходя по аллеям Ишеевского кладбища, поймал себя на мысли: «Мать честная, так здесь уже можно пленумы проводить. Кворум-то, к сожалению, есть...». И ощущение того, что надо чаще встречаться при жизни, стало еще более весомым.

Наше землячество в столице (иногда мы его в разговорах называем товариществом) - как раз форма таких дружественных встреч, где в неформальном общении видна истинная ценность человека. Но не только ностальгические чувства двигали нами, когда наша общественная организация создавалась. Каждый в меру возможностей помогает Ульяновску и землякам в Москве, которые нуждаются в помощи. Сам же я ощущаю себя по-комсомольски: оптимизма и энергии вполне достаточно. А это значит - жизнь продолжается!

Вместе по жизни.

